

рождения (revival) говорит Дж. Ла Монте, но он не ищет социальных корней этого возрождения, ограничиваясь восхвалением талантов Алексея, Иоанна, Мануила и Андроника, преемники которых, увы, были лишены способностей¹⁰². Р. Хойт пишет об умелой политике Алексея, вернувшему государству «здоровые, хотя и ограниченные основы»¹⁰³.

Впрочем, игнорировать вовсе социальные проблемы правления Комнинов после работ Острогорского было уже нелегко. Поэтому большая часть исследователей старается соединить чисто психологические характеристики государей по крайней мере с упоминанием о феодализме и росте крупной собственности. При этом неминуемо обнаруживаются уже знакомые нам противоречия.

Как время последнего расцвета (un dernier éclat) рассматривает комниновский период К. Каэн, объясняющий укрепление Византийского государства в XII в. иными — внешнеполитическими причинами, а именно тем, что с потерей Малой Азии исчезли самые крупные роды византийской знати и государство могло теперь сдерживать центробежные силы¹⁰⁴. Заманчивое объяснение Каэна, однако ж, находится в противоречии с тем, что уже с середины XI в. наиболее значительные феодальные мятежи вспыхивали как раз не в Малой Азии, а в Македонии.

Французский историк Л. Брейе писал, что империя была спасена династией Комнинов, сумевшей реорганизовать государство¹⁰⁵. Он высоко оценивает Алексея I (стр. 295), Иоанна называет одним из лучших византийских императоров (стр. 320), говорит о попытках Мануила реформировать государство (стр. 328), и тут же мы узнаем, что Алексею не удалось восстановить «старое социальное и политическое равновесие» (стр. 297), что Мануил оставил империю разоренной (стр. 328). С одной стороны, Комнины вознесли империю на высшую ступень могущества (стр. 319), с другой, они ослабили авторитет государства (стр. 292).

К этой эклектичной трактовке Комнинов Брейе присоединяет и социальную характеристику, заимствуя ее у Острогорского. Комнины — выразители интересов знати, они способствуют росту крупных аристократических и возрастанию монастырской собственности (стр. 292), что мирно уживается, впрочем, с конфискацией монастырских имуществ при Алексее (стр. 298)¹⁰⁶.

Те же противоречия остаются и в другой работе Брейе, посвященной византийским учреждениям: Алексей то выступает вождем военной знати¹⁰⁷, то осуществляет политику централизации (стр. 140).

Вполне традиционной и противоречивой остается у Брейе и характеристика Андроника I, одновременно великого реформатора и безжалостного тирана¹⁰⁸.

Таким образом, суждения Брейе эклектичны. Не приближая нас к пониманию сущности политики Комнинов, они еще более отчетливо обнаруживают противоречивость существующих мнений. Действительно, осуществили ли Комнины реформу государства или ограничились только

¹⁰² J. L. La Monte. The World of the Middle Ages. New York, 1949, p. 324—328.

¹⁰³ R. S. Hoyt. Europe in the Middle Ages. New York, 1957, p. 232.

¹⁰⁴ Cl. Cahen.— In: «Histoire générale des civilisations», vol. III: Le Moyen âge. Paris, 1955, p. 308.

¹⁰⁵ L. Bréhier. Vie et mort de Byzance. Paris, 1947, p. 292.

¹⁰⁶ В ранней работе Брейе высказывал мысль, что Алексей лишил монастыри и «архонтов» привилегий и иммунитетов (L. Bréhier. Alexis I.— «Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques», vol. II. Paris, 1914, col. 385).

¹⁰⁷ L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949, p. 386.

¹⁰⁸ L. Bréhier. Vie et mort..., p. 346 sq. Cp. idem. Andronik Ier.— «Dictionnaire...», vol. II, col. 1780—1782.